

Лебедев А. П. Предмет, пропущенный в программе академического преподавания (кафедра чтения по-русски — декламации) // Богословский вестник 1893. Т. 1. № 1. С. 169–179 (1-я пагин.).

Предметъ пропущенный въ программѣ академическаго преподаванія.

Въ газетѣ: *Московскія Вѣдомости* (1892 г. октября 17, № 288) встрѣчасмъ такую замѣтку: „въ текущемъ сезонѣ при Московскомъ Университетѣ преподавателемъ консерваторіи Булдинымъ открывається курсъ искусства произношенія (декламаци) съ практическими упражненіями. Въ теченіе (?) текущаго (?) года курсъ декламаци для студентовъ будетъ бесплатнымъ“.

Зачѣмъ открывається курсъ декламаци въ названномъ университетѣ? Развѣ нужно искусство декламированія медикамъ, химикамъ, физикамъ, математикамъ? Этимъ лицамъ подобное искусство, кажется, не особенно нужно. Но зато оно совершенно необходимо для юристовъ, изъ которыхъ выходятъ потомъ адвокаты и члены гласныхъ судебныхъ учреждений; оно точно также необходимо и для филологовъ, изъ которыхъ многіе (даже большинство) впоследствии выбираютъ профессіей для себя преподаваніе наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Значить, если въ Московскомъ Университетѣ вводится курсъ декламаци или искусства произношенія словъ, то подобный курсъ несомнѣнно можетъ быть полезенъ по крайней мѣрѣ для половины всѣхъ наличныхъ студентовъ, такъ какъ имъ въ будущей практической жизни почти исключительно придется дѣйствовать словомъ и языкомъ.

Чтеніе вышеизложенной замѣтки въ „М. В.“ навело насъ на слѣдующую мысль: вотъ въ Московскомъ Университетѣ вводится преподаваніе искусства произношенія, гдѣ только половина студентовъ нуждается въ такомъ искусствѣ; но

почему же до сихъ поръ не надумали ввести тотъ же предметъ преподаванія въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ *всѣ* студенты нуждаются въ искусномъ, т. е. правильномъ, произношеніи, — въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются молодые люди, которымъ въ предстоящей практической жизни придется дѣйствовать исключительно словомъ и языкомъ. Каждый пойметъ, что мы говоримъ о Духовныхъ Академіяхъ.

Духовныя Академіи готовятъ священниковъ, преимущественно для столицъ, законоучителей въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, наставниковъ Академій, Духовныхъ Семинарій и училищъ; изъ Академій же выходятъ большинство православныхъ архіереевъ. Воспитанникамъ Академій приходится въ практической жизни несомнѣнно имѣть дѣло съ словомъ и дѣйствовать голосомъ и языкомъ.

Но умѣютъ ли они говорить и умѣютъ ли они дѣйствовать голосомъ, какъ приличествуетъ? На этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, скорѣе нужно отвѣчать: „нѣтъ“, чѣмъ „да“.

Кто бывалъ на академическихъ лекціяхъ, экзаменахъ, публичныхъ диспутахъ и новѣйшихъ коллоквиумахъ, присутствовалъ на академическихъ публичныхъ актахъ—ежегодныхъ и разныхъ юбилейныхъ и т. д., тотъ хорошо знаетъ, что лица, которые уже дѣйствуютъ и которымъ предстоитъ въ жизни дѣйствовать словомъ и языкомъ, не обладаютъ искусствомъ произношенія русскихъ родныхъ словъ, за рѣдкими счастливыми исключеніями.

Слухъ присутствующихъ слушателей перѣдко поражается неправильнымъ произношеніемъ словъ и ненатуральной постановкой удареній на нихъ,—не говоря уже объ интонаціи и умѣньи голосомъ подчеркивать слово въ потребныхъ случаяхъ. Присутствующимъ приходится слышать: *еѣ*, вмѣсто *еѣ* (точнѣе: *іѣ*), поваляется (вмѣсто похваляется), притавленіе (вмѣсто: представленіе)¹⁾, катія (вмѣсто: какія), Еванделіе, говоритѣ—хотитѣ (особенно прелестно это окончаніе: „титѣ“), опредѣленно (двѣ ошибки въ одномъ словѣ: и удареніе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и: *лѣ*, вмѣсто: *лѣ*), сущность (вм.: сущность), мене (вм.: меня), вынать (вм.: вынуть),

¹⁾ Лице, выговаривавшее такъ слово: представленіе, у насъ звали, вмѣсто его настоящаго имени: *притавленіе*.

хуть (вм. хоть—хотя), племенникъ (вм.: племянникъ), поеть (вмѣсто: поэтъ), философія (вм.: философія); а также — противъ (вм.: прѣтивъ), быта (вм.: быта), предположить, брошюра, Вѣлтеръ, доцентъ (вм.: доцентъ), атлѣтъ (о, ужасъ!) вм.: атлетъ, Контантипъ (вм.: Константинъ); слово: философія произносится неодинаково; то философія, то философія), подобное же встрѣчается и со словомъ: сатира (одни произносятъ: сатира, другіе: сатира). Иные считаютъ нужнымъ дѣлать паузу послѣ словъ: „но“.... „хотя“¹⁾.... Нѣкоторые изъ ораторовъ .ли лицъ, готовящихся быть таковыми (на церковной или преподавательской кафедрѣ) имѣютъ привычку примѣшивать къ произносимымъ ими словамъ звуки совершенно излишніе. Въ одной изъ столичныхъ семинарій намъ пришлось учиться у наставника, который преподавалъ Св. Писаніе Вѣтхаго Завѣта и который почти къ каждому слову прибавлялъ архаическую частицу: *сѣ* (С. Д. П. †); вслѣдствіе этого, когда онъ объяснялъ намъ особенно любимую имъ Книгу Іова, у него выходило: Іовъ-сѣ, Левіооан-сѣ, Большая-сѣ медвѣдица-сѣ, Іегова-сѣ. Нѣкоторые чуть не послѣ каждаго слова прибавляютъ не членораздѣльные звуки: м, м, м, м; а другіе прерывистое: а-а, а-а, а-а. Въ числѣ моихъ школьныхъ товарищей по Академіи былъ одинъ субъектъ, *не умѣвшій читать по русски*. Онъ могъ быстро читать книгу „про-себя“, по если ему приходилось читать вслухъ, то онъ читалъ почти по-складамъ. И однакожъ онъ былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ одну изъ сѣверо-западныхъ семинарій. Воображаемъ: во что превращался сладкозвучный Пушкинъ въ устахъ преподавателя изящной словесности, умѣвшаго читать по складамъ?

Что касается до выразительности въ произношеніи, до собственной интонаціи, то извѣстно, что нѣкоторые священники иногда читаютъ проповѣди, какъ говорится, — подъячковски; а профессора и наставники читаютъ иногда — точно дрова рубить.

Но пожалуй скажутъ: „экая важность! Не бѣда, если проповѣдникъ или учитель иное слово скажетъ и неправильно; не бѣда, если кто и не умѣетъ повышать и пони-

¹⁾ Пишущій эти строки тоже не обладаетъ достоюльнымъ произношеніемъ.

жать голоса, какъ нужно—лишь бы первый проповѣдовалъ одушевленно, а второй училъ умно“.

Въ томъ то и дѣло, замѣтимъ на это, что по крайней мѣрѣ неумѣнье владѣть голосомъ нерѣдко ведетъ въ техническомъ отношеніи къ прискорбнымъ приключеніямъ. Расскажемъ нѣсколько случаевъ, свидѣтелями которыхъ пришлось быть намъ самимъ. Сравнительно не очень давно, мы присутствовали за обѣдней въ одной домашней церкви; наступило время проповѣди; вышелъ говорить слово молодой ораторъ. Сначала всё шло хорошо, но вотъ ораторъ невозможнымъ образомъ произнесъ какую-то фразу (не помню: какую), имѣя однакожъ въ виду произвести впечатлѣніе,—и цѣлая сотня слушателей, людей образованныхъ, громко фыркнула, наклоняясь долу. Другой случай еще болѣе поразительный и соблазнительный: когда я учился въ семинаріи, у насъ умеръ товарищъ. Собралась вся четырехсотенная масса семинаристовъ въ семикарской церкви отдать послѣдній долгъ усопшему. Во время заупокойной обѣдни, въ обычное время, вышелъ на амвонъ ученикъ старшаго класса говорить проповѣдь. Это былъ юпоша очень умный, составившій превосходное слово (помню и имя его: Хр. М. С.)¹⁾. Помню и текстъ, на которомъ была построена проповѣдь: „не умре, но спитъ“. Но что же случилось? Произнося проповѣдь, ораторъ такимъ дикимъ голосомъ проговорилъ патетическія слова изъ нея: „и ты, цвѣтущая юность, во гробъ“, что вся четырехсотенная масса слушателей разразилась гомерическимъ взрывомъ хохота. И не випите слушателей! Прошло болѣе двадцати пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я слушалъ эту проповѣдь, но дикій возгласъ: „и ты, цвѣтущая юность, во гробъ“ до сихъ поръ колѣмъ сидитъ у меня въ ушахъ. Я и теперь слышу этотъ возгласъ! И увѣренъ, что если я проживу еще 30 лѣтъ, я не забуду того диссонанса, съ какимъ произнесена вышеуказанная фраза. Если бы я былъ знакомъ съ нотными знаками, я изобразилъ бы этотъ возгласъ соответствующими знаками. И всякій увидѣлъ бы, что голосовые переходы въ этомъ случаѣ представляютъ изумительную какофонію; но я, къ сожалѣнію, не свѣдуещъ въ

¹⁾ Впослѣдствіи кандидатъ нашей Академіи и наставникъ семинаріи †.

ногахъ. Четыреста человѣкъ, будущихъ пастырей церкви, хохочутъ въ церкви, не взирая на святость мѣста, при видѣ разверстаго гроба, въ присутствіи персонала наставниковъ заведенія, и позабывъ о томъ, что священнодѣйствуетъ Ректоръ Семинаріи, человѣкъ истинно-святой жизни (арх. И. †)! Очень прискорбно, но такіе случаи будутъ встрѣчаться тѣмъ чаще, чѣмъ меньше будетъ обращено вниманія на искусство владѣть собесѣдовательнымъ словомъ.— Припомнимъ и еще случай, но въ другомъ родѣ: мы должны были слушать лекцію одного изъ ученѣйшихъ профессоровъ Академіи († въ 1875 г.), но имѣвшаго вообще настолько непріятную дикцію, что его лекціи причиняли слушателямъ чуть не страданіе. На этотъ разъ онъ читалъ очень умную лекцію, въ которой опровергалъ рационалистическое мнѣніе какого-то западнаго ученаго, по національности еврея, о томъ, что будто Христосъ заимствовалъ свое ученіе въ школѣ Гиллела; несмотря на всѣ достоинства лекціи, она поставила лектора въ неловкое положеніе, а слушателей ввела въ искушеніе. Ему вздумалось, среди лекціи, патетическимъ голосомъ—по адресу разбираемаго имъ ученаго воскликнуть: „пошлый жидъ“ (не говоримъ о томъ: можно ли употреблять на лекціяхъ подобныя выраженія—впрочемъ это дѣло вкуса), но поднявъ слишкомъ высоко голосъ, ораторъ сорвался—и вышло что-то въ высшей степени комическое: шестьдесятъ человѣкъ слушателей, уткнувшись въ парты, громко хихикнули. И по выходѣ изъ аудиторіи иные на разные лады продолжали повторять: „пошлый жидъ“, возбуждая невольную улыбку даже на самомъ серьезномъ лицѣ.

Мы привели лишь нѣсколько фактовъ, нужныхъ для нашей цѣли, но люди, болѣе насъ наблюдавшіе, могли бы, конечно, рассказать и много больше подобныхъ же фактовъ.

Да, недостатки лицъ, воспитывавшихся и воспитывающихся въ высшихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ, состоящіе въ неумѣннн правильно говорить и читать для другихъ и владѣть при этомъ голосомъ, даютъ-таки чувствовать себя. Въ хорошихъ семействахъ, сколько извѣстно, всѣ члены ихъ слѣдятъ другъ за другомъ и поправляютъ одинъ у другаго дикцію и интонацію. Но кто будетъ учить будущихъ пастырей и наставниковъ, помѣщающихся въ закры-

тыхъ заведенiяхъ — Академiяхъ? ¹⁾ Чтобы пособить дѣлу, намъ кажется, непрѣмѣнно нужно ввести здѣсь, въ качествѣ предмета преподаванiя, курсъ дикци и декламаци (или какъ тамъ правильнѣе именуется этотъ предметъ преподаванiя). Мы увѣрены, что не только юноши, но и иные наставники съ удовольствiемъ выслушаютъ этотъ курсъ.

Обратимъ вниманiе на то, что въ древности Греческая и Латинская церковь не безразлично относилась къ вопросу о дикци и декламаци — по крайней мѣрѣ — пастырей. Въ древнихъ Греческихъ и Латинскихъ школахъ, гдѣ училось большинство будущихъ пастырей, обращалось значительное вниманiе на это дѣло. Когда Василiй Великiй съ своей родины отправилъ нѣкоторыхъ юношей учиться въ Константинополь къ знаменитому Ливанiю, то этотъ послѣднiй ихъ обученiю начинаеть съ того, что отбучаетъ ихъ отъ непривлекательной провинциальной манеры говорить нараспѣвъ, провинциальныхъ жаргономъ (Письмо Ливанiя къ В. В.). Амвросiй Медиоланскiй, самъ учившiйся въ школахъ тогдашняго склада, очень серьезно относится къ умѣнью пастырей владѣть голосомъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненiй, назначенныхъ въ руководство пастырямъ, онъ говоритъ: „голосъ пастыря не долженъ быть ни прерывистъ, ни искливъ, какъ у женщины. Напротивъ того, онъ (голосъ) долженъ сохранять въ себѣ нѣкоторую выразительность и силу мужества. Я не одобряю какъ излишней нѣжности и притворства въ голосѣ, такъ и не рекомендую особой мужиковатости или грубости. Нужно дѣйствовать голосомъ — какъ наилучше и какъ всего благопрстойнѣе“. Несоблюденiе правилъ благопрстойности въ этомъ, какъ и другихъ отношенiяхъ, по словамъ Амвросiя, „какъ бичемъ било его въ глаза“. Да и какъ было оставлять безъ вниманiя эту сторону въ пастырѣ, когда по замѣчанiю Златоуста (въ кн. „о священствѣ“), слово есть единственное оружье, которымъ онъ можетъ и долженъ дѣйствовать, проходя свое служенiе. Онъ говоритъ: „врачами изобрѣтены разнаго рода лекарства, различныя снаряды орудiй; они прописываютъ приличную для больныхъ пищу. Для души же нельзя ничего

¹⁾ Собранныхъ при томъ со всѣхъ концовъ Россiи и нерѣдко отстаивающихъ сепаратизмъ своего мѣстнаго произношенiя.

подобнаго придумать. Для нея одно средство, одинъ способъ врачеванія—ученіе словомъ. Вотъ орудіе, вотъ пища! Настоитъ ли надобность прижигать или отсѣкать—необходимо слѣдуетъ прибѣгать къ слову. Если оно нисколько не подѣйствуетъ, все прочее остается недѣйствительнымъ“. Вотъ почему такіе архипастыри, какъ Амвросій, требовали не только назидательности слова, но и старались урегулировать то, какъ мы произносимъ слово. Насколько чувствительны были древніе христіане къ недостаткамъ въ произношеніи, объ этомъ достаточно можно судить по тому, что историкъ Сократъ (VI, 11), рассказавъ объ успѣхѣ проповѣдей Северіана еписк. Гавальскаго въ Константинополѣ, въ то же время не преминулъ сказать, что Северіанъ произносилъ „греческія слова не совѣмъ чисто“, что „въ греческомъ его выговорѣ слышалось что-то сирское.“. Слухъ присутствовавшихъ на проповѣдяхъ епископа Гавальскаго испытываетъ непріятность даже отъ незначительнаго недостатка въ дикціи.

Спрашивается: какъ смотреть на затронутый нами вопросъ современные намъ радѣтели и интересовъ духовнаго просвѣщенія? Отвѣтъ на вопросъ мы надѣялись найти въ прекрасномъ произведеніи преосвящ. Амвросія Харьковскаго: „Живое Слово“, но оказалось, что авторъ этого произведенія относится отрицательно къ вопросу и не пожелалъ входить въ подробности. Преосвящ. авторъ пишетъ: „опасно вводить намѣренно особое искусство произношенія при обученіи живому слову, потому что оно представляетъ оратору соблазнъ усиленными приѣмами искусственнаго произношенія восполнять недостатокъ содержанія рѣчи и силы слова“¹⁾. Мы лично держимся другой точки зрѣнія, но входить въ препія съ достопочтеннымъ авторомъ не видимъ надобности. Въ существѣ дѣла мы говоримъ не объ одномъ и томъ же предметѣ съ писателемъ „Живаго Слова“: мы говоримъ объ искусствѣ произношенія, т. е. объ умѣннн хорошо читать, нашъ же авторъ о декламации по отношеніи къ живому слову, т. е. импровизированному проповѣдническому слову. Вопросъ преосв. Амвросія мудренѣе и сложнѣе нашего, потому что онъ касается области психо-

1) Ж. С. стр. 53. Харьк. 1892.

логіи, такой области, въ которой мы не считаемъ себя компетентнымъ.

Но не найдя себѣ помощи и поощренія въ произведеніи преосвящ. Амвросія, мы обрѣли то и другое въ другомъ современномъ намъ литературномъ трудѣ. Разумѣемъ трудъ Н. П. Гилярова-Платонова, бывшаго профессора нашей Академіи, потомъ издателя теперь не существующей газеты: „Современныя извѣстія“, человека высоко-талантливаго, а по нашему сужденію, и компетентнаго въ вопросѣ—трудъ его, подъ заглавіемъ: „Изъ пережитаго. Автобіографическія воспоминанія“.

Достопочтенный (теперь уже покойный) Н. П. Гиляровъ въ одномъ мѣстѣ своего весьма интереснаго произведенія передаетъ разсказъ о своемъ товарищѣ А. Остроумовѣ, впоследствии московскомъ священникѣ. Вотъ этотъ разсказъ: „выдающамся его (Остроумова) мастерствомъ было умѣнье читать. Онъ такъ мастерски читалъ, такъ осмысленно..... Это не диво, но диво то, что я не чувствительный къ стихамъ вообще и *неспособный ихъ заучивать*, знаю нѣкоторыя стихотворенія наизусть доселѣ, послѣ того, какъ прослушалъ чтеніе Остроумова.... Я млѣлъ, заслушивались и другіе, когда онъ читывалъ наизусть Пушкина, мелкія стихотворенія и цѣлыя главы. Такую силу дать каждому слову, такъ глубоко захватить каждый отгвнокъ, каждую мелкую черту! Удивительная декламація, въ самую душу проникающая“¹⁾. Разсказъ—крайне поучительный для насъ. Н. П. Гиляровъ, при всей своей талантливости, имѣлъ тотъ страннѣйшій недостатокъ, о которомъ онъ гдѣ-то въ этомъ же сочиненіи говоритъ подробно, что онъ *совсѣмъ* не могъ заучить ни одного стихотворенія²⁾. Но вотъ стоило ему прослушать нѣсколько стихотвореній, прочитанныхъ превосходнымъ декламаторомъ, и онъ, къ великому его изумленію, запомнилъ ихъ *на всю жизнь*. Такова сила умѣнья превосходно читать. Прекрасная декламація не только помогаетъ усвоенію прочитаннаго, но и способна препобѣждать и врачевать, повидимому, не исцѣлимые

¹⁾ „Изъ пережитаго“. Т. II, стр. 105. М. 1886.

²⁾ Этотъ недостатокъ Гиляровъ называетъ идиокразіей, какъ и вообще онъ называется въ психологіи, а можетъ быть и психіатріи.

природные недостатки. Да, она способна, такъ сказать, творить чудеса. Она можетъ быть поставлена наряду съ замѣчательнымъ открытіемъ нашего времени—гипнозомъ съ его цѣлительною силою. Какимъ же превосходнымъ педагогическимъ средствомъ можетъ становиться искусство декламации въ устахъ профессора и учителя! Да, необходимо ввести курсъ декламации въ программу академическаго преподаванія.

Вслѣдъ за сейчасъ приведеннымъ рассказомъ, у П. П. Гилярова идутъ еще болѣе интересныя сообщенія о томъ, „что было и что стало“. Но предоставимъ слово красно-рѣчивому профессору нашей Академіи. „Въ старыя, Платоновскія ¹⁾ времена къ декламации приучали въ семинаріяхъ (замѣтимъ, что семинаріи замѣняли тогда Академіи, а послѣднихъ еще не существовало). Самъ Платонъ былъ мастеръ въ произношеніи; таковымъ же былъ Августинъ (Московский); заботились о силѣ произношенія вообще вышедшіе изъ Платоновой школы. Съ поступленіемъ Филарета (т. е. въ Москву) декламация кончилась. Самъ онъ былъ безголосый; читалъ онъ прекрасно, давалъ силу словамъ, но слабо и ровно. Филаретъ былъ врагъ шумихи и лишнихъ словъ; ви́шній эффектъ и подобіе сцены въ церкви тѣмъ болѣе возмущали его. Отсюда преувеличеніе въ противоположную сторону. Какъ Платоновы питомцы служили и проповѣдовали громогласно, такъ Филаретовскіе стали служить подъ-носъ, читкомъ произносить проповѣди и притомъ до того тихо, что около стоящіе не могли слышать. *А возстановленіе декламации и обученіе ей необходимы: стоило бы особенные уроки назначить для того* (совершенно вѣрно, скажемъ и мы). Въ Платоновскія времена посылала академикомъ ²⁾ къ лучшимъ театральнымъ артистамъ на обученіе *(и хорошо дѣлали, замѣтимъ)*. До моего времени—продолжаетъ П. П.—сохранился дьяконъ, другъ Мочалова, сведшій дружбу съ знаменитымъ артистомъ именно ради проповѣдей и проповѣдями потрясавшій слушателей, собиравшій публику въ церковь—проповѣдями, увы, чужими... Искусство чтенія есть искусство не малое и не легкое *(еще бы! кто изъ насъ, академикомъ, умѣетъ порядочно чи-*

¹⁾ Т. е. при жизни Московскаго митрополита Платона.

²⁾ Т. е. воспитанниковъ славяно-греко-латинской Академіи.

татъ?), а чтеніе въ церкви, тѣмъ паче проповѣданіе, требуетъ и тѣмъ болѣе искусства. Бывали декламаторы ---- припоминаеть Н. II.—и въ послѣднія Филаретовскія времена, но *я уходилъ изъ церкви смущенный*. Чтеніе свящ. книгъ въ церкви—къ такому заключенію приходитъ Н. II.—должно передать смыслъ читаемаго, предоставляя возбужденіе чувствъ настроенію самихъ слушателей; а произношеніемъ проповѣди не довольно отчеканить смыслъ, потому что проповѣдь не есть ни священный текстъ, ни диссертация. Это различіе должны не только знать священнослужители, но и должны умѣть соблюдать. *А умнѣе можетъ быть дано только наукой и упражненіемъ*“¹⁾. Итакъ, согласно мудрымъ совѣтамъ блаженной памяти Никиты Петровича, будемъ заниматься этой „наукой“ и сопровождать изученіе ея „упражненіями“. И въ Московскомъ Университетѣ введенъ „курсъ декламации съ практическими упражненіями“.

Съ вышеприведенными разсужденіями Н. II-ча о значеніи искусства декламации для проповѣдника мы вполне согласны и прибавлять что-либо къ нимъ считаемъ лишнимъ.

Хорошій лекторъ долженъ быть тѣмъ же, чѣмъ и актеръ на сценѣ Императорскаго театра, преимущественно Московскаго. Иные думаютъ, что чтеніе актера непріятно своею театральностію. Но такъ могутъ думать только люди, пикогда не бывавшіе въ театрѣ или не посѣщавшіе его уже много лѣтъ и помнящіе лишь то, что на сценѣ бывають раскрашенные декорации. Чтеніе актера Императорскаго театра есть самое наилучшее, какъ Пушкинскій языкъ есть самый чистый по сравненію съ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ нашего мужика. Чѣмъ же хорошо чтеніе актера первокласснаго театра? На этотъ вопросъ отвѣчу вопросомъ же: чѣмъ отличается хорошій слогъ, слогъ Пушкина, Тургенева, Гончарова, отъ слога дурнаго? Тѣмъ, что хорошій слогъ совершенно не замѣчаешь при ознакомленіи съ обработаннымъ произведеніемъ: какъ будто бы у писателя нѣтъ никакого слога или какъ будто бы „я“ самъ написалъ это; тогда какъ дурной слогъ заставляетъ читателя по временамъ останавливаться, снова перечитывать страницу, ломать

¹⁾ „Изъ Пережит.“, *ibid.* 106—107.

голову надъ ней: дурной слогъ каждую минуту грозитъ задѣтъ насъ, какъ машинная шестерня. Тѣмъ же отличается хорошее чтеніе отъ дурнаго: хорошее чтеніе есть такое, котораго мы совѣмъ не замѣчаемъ и которое вполнѣ позволяетъ сосредоточивать вниманіе на содержаніи излагаемаго предмета; напротивъ дурное чтеніе отвлекаетъ и мѣшаетъ такому сосредоточенію на содержаніи того же предмета. Этимъ же самымъ отличается „театральное“ чтеніе актера лучшей школы отъ чтенія не театральнаго, не умѣлаго. И не даромъ мудрый Платонъ „посылалъ академикъ на обученіе къ лучшимъ театральнымъ артистамъ“.

Льстимъ себя надеждой, что будетъ создана, или точнѣе возстановлена, въ нашихъ Академіяхъ необходимо-нужная кафедра, безъ которой тма-тысячное число всякихъ лекцій и уроковъ наполовину пропадетъ даромъ въ послѣдующей жизни учащихся —

кафедра чтенія по русски ¹⁾.

А. Лебедевъ.

1) Что касается матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для вознагражденія преподавателя декламации, то они не могутъ быть значительны: 800—900 р. въ годъ—на каждую Академію. Если найдены средства для открытія мисіонерскаго отдѣленія при Казанской Академіи съ шестью преподавателями, требующаго ежегодно (по штату) около 10,000 р. и выпускающаго въ годъ по два студента съ дипломомъ; если при Петербургской Академіи найдено возможнымъ открыть кафедру „Исторіи славянскихъ церквей“ (3000 р.)—истинную роскошь; если въ Московскоѣ Академіи находятъ себѣ многолѣтнюю матеріальную поддержку кафедры естественнонаучной апологетики, то найдутся средства и для кафедры декламации. Казанская и Петербургская Академіи получаютъ средства въ указанныхъ случаяхъ отъ Свят. Синода, а Московская — отъ щедротъ Московскоѣ митрополичьей кафедры.